

ГЛАВА 1

В этот зимний вечер

За окном шел снег. Его тяжелые разлапистые хлопья кружились в воздухе и медленно опускались на землю, укрывая ее белым одеялом. Сотни снежинок так походили друг на друга, но в то же время каждая из них была особенной, уникальной. В точности как люди.

Деревья тоже облачились в пушистые бело-снежные шубы, словно в надежде скрыться от мороза. Небо давно потемнело, и теперь горящие на нем звезды тоже напоминали падающие снежинки. В этой ночной полутьме сложно было сразу понять: упала очередная снежинка или звезда покинула предназначенное ей место...

Девочка, сидевшая на подоконнике, разглядывала этот зимний пейзаж и предпочитала думать, что

и звезды, и снег падают одновременно. Ведь это означало бы, что чудеса совсем рядом.

Она обхватила руками худые коленки, словно ей было холодно, и то и дело переводила свой отчего-то грустный взгляд со звездного неба на дорожку, ведущую к дому. Присыпавший ее снег оставался идеально ровным, без всяких следов. Девочка ждала.

Она знала, что там, среди уличной темноты, вот-вот скрипнет калитка, и на нетронутой дорожке появятся следы. Она была в этом уверена.

Тяжело вздохнув и заправив за ухо прядь гладких иссиня-черных волос, отливающих на свету разноцветными бликами, девочка уткнулась лбом в холодное стекло, в котором отразилось ее немного грустное лицо. Большие, чуть раскосые глаза фиалкового оттенка внимательно смотрели на улицу. Хоть девочка и грустила, но ее тонкие, с красивым изгибом брови слегка хмурились: ожидание было не самым приятным занятием.

Однако ждать она умела. Могла отказаться от сладостей, могла забыть про телевизор и любимые игрушки, а могла и просто сидеть и ждать, пока не добьется своего. Это упрямство никогда ее не покидало. Несмотря на ее юный возраст, невысокий рост и хрупкое телосложение, вела она себя как взрослая. Ее аккуратные, миловидные черты лица хранили отпечаток прошедших лет, которые принесли девочке немало испытаний. Может быть, поэтому ее тонкие губы всегда были напряжены, словно она держала

все эмоции под контролем. Улыбалась она нечасто, только по особым случаям, и одним из таких случаев был приезд Андерсенов — семьи, которая раньше жила в соседнем доме, но из-за некоторых событий им пришлось переехать в центр города.

— Хейли... — взволнованный, но тихий женский голос нарушил волшебную тишину этого зимнего вечера и заставил девочку обернуться на свое имя. — Ты все еще сидишь здесь?

Молодая красивая женщина подошла к окну и, потрепав дочку по волосам, заглянула в ее грустное лицо. Они были невероятно похожи: те же черты лица, тот же взгляд, наполненный скрытой грустью, аккуратный, чуть вздернутый нос и плотно сжатые губы, — однако женщина часто улыбалась и всегда старалась вызвать улыбку дочери.

— Но они ведь придут, да? — надув губы, пролепетала девочка и посмотрела на маму печальными и одновременно требующими положительного ответа глазами.

— Конечно, — кивнула та с улыбкой. — Они же сказали, что придут. Может, немного опоздают...

— Немного? — словно не поверив, переспросила Хейли. Фиалковые глаза блеснули еще большей грустью.

Они должны были прийти. Каждые выходные Хейли ждала их приезда. Это даже стало традицией: обе семьи собирались после тяжелой рабочей недели, чтобы провести время вместе, собраться за одним столом и обсудить последние новости. Од-

нако так было не всегда: еще несколько лет назад они были просто семьями Андерсен и Дэвис, которые жили по соседству и делили общий задний двор, где, еще будучи совсем детьми, играли Хейли, Крис Андерсен и его брат Уилл. Впрочем, это было сложно назвать играми: Крис часто обижал маленькую Хейли: то дергал ее за волосы, то насыпал песка за шиворот, то пугал очередным страшным насекомым. Она плакала, убегала к маме, а та, в свою очередь, жаловалась Норману — отцу мальчиков. Конечно, он ругал Криса, наказывал, но мама Хейли скоро поняла, что ему тяжело воздействовать на детей, потому что воспитывал он их в одиночку.

Однажды она пригласила Нормана на чай и во время беседы узнала, что его жена умерла, когда рожала Криса. Роды были тяжелые, мальчика спасли, но матери помочь не удалось. С тех пор мужчина пытался делать все возможное ради детей, но маленький Крис приобретал не самые приятные черты характера: замкнутость, угрюмость, эгоистичность и невероятное желание делать все наперекор отцу. Норман часто винил себя в этом, потому что Уилл, старший сын, рос совсем другим ребенком. У него всегда было врожденное чувство справедливости и желание защищать слабых, поэтому он проявлял невероятную заботу по отношению к Хейли и часто даже дрался с Крисом из-за этого.

С тех пор семьи стали ближе общаться, часто

ужинали друг у друга, а событие, которое вскоре настигло семью Дэвис, сплотило их еще больше.

Несмотря на то что в то время Хейли была еще совсем ребенком, она видела и понимала, что папа и мама больше не любят друг друга. Они уже давно не обнимались, папа часто пропадал на работе, а вечера обычно заканчивались скандалами. Как только Хейли чувствовала, что начинается очередная ссора, она старалась спрятаться в комнате. Ей было страшно, из-за чего она часто плакала.

В один день, проснувшись утром, Хейли пришла на кухню и увидела, как мама сидит за столом и плачет. В руках у нее была какая-то бумажка — записка от отца, как потом узнала девочка. Он просто ушел. Собрал все свои вещи, написал несколько слов о том, что больше так не может, и рано утром тихо ушел. Хейли видела, как маме тяжело, поэтому постаралась не показать, что ей тоже грустно и больно: отца она любила, хотя тот давно перестал уделять ей внимание и, казалось, иногда даже забывал, что у него есть дочь.

Хейли навсегда запомнила тот момент, когда мама подняла на нее заплаканные глаза, быстро вытерла ладонями лицо и, преодолевая всю боль, улыбнулась и потянула руки к дочери. Это была настоящая улыбка, искренняя. И Хейли это поразило до глубины души. В этот момент она стала еще больше восхищаться мамой.

Однако, как бы женщина ни пыталась быть силь-

ной, в первое время им пришлось очень нелегко. Норман всегда старался ее поддержать, помочь. Они делились друг с другом своим горем, изливали душу, и обоим становилось легче. Это событие сблизило их еще больше, а дети, казалось, стали дружнее. Крис видел, что Хейли грустит и, на удивление, перестал ее обижать, а Хейли поняла, что с Уиллом ей намного интереснее играть, чем с его вредным младшим братом.

Именно поэтому девочка с таким трепетом ожидала их приезда. Когда они собираются все вместе, она чувствует себя невероятно счастливой, потому что тогда в их доме царит приятная атмосфера теплоты, заботы и любви.

Из коридора донесся мелодичный звон, и Хейли, недолго думая, быстро спрыгнула с подоконника и помчалась в коридор, тут же открыла дверь и впустила гостей в дом.

— Уилл! — радостно вскрикнула она, счастливыми, поблескивающими глазами смотря на черноглазого высокого парня, который отряхивал снег со своей серой дутой куртки. У него никак не получалось избавиться от назойливых снежинок: они, казалось, были везде, поэтому он не сразу обратил внимание на Хейли и на ее восторженный голос.

— Здравствуй, Линда, — сдержанно улыбнувшись, поздоровался Норман с вышедшей к гостям женщиной. Он похлопал своих сыновей по плечам. — Извини. Мы немного опоздали.

— Ничего страшного, — кивнула женщина, то-

же улыбаясь, но более открыто. — Хотя Хейли уже заждалась. Да?

Линда ласково посмотрела на дочь, а та, глянув на Уилла, смутилась и залилась краской. Она не хотела, чтобы гости знали, как сильно она ждала их.

— Чуть-чуть, — еле слышно пролепетала она, опуская фиалковые глаза. Радость сменилась неловкостью, и это заставило Хейли нервно сжать в руках край своей юбки. Она сама толком не понимала, почему так волнуется, когда они приходят, не понимала также, почему мысли в ее голове так беспорядочно сменяются одна другой и почему эмоции так обострены.

— Просто Уилл слишком долго делал уроки, — пожаловался Крис, снимая куртку и отдавая ее Линде.

— Какие уроки? — не поняла женщина и повесила куртку на узорчатую вешалку в углу темного коридора. Насколько она помнила, старший сын Нормана давно окончил университет, не то что школу. — Разве ты сейчас не помогаешь отцу в компании?

— Уроки, которые Крис со спокойной совестью свалил на меня, — объяснил Уилл, скосив на брата колючий взгляд бархатистых глаз, а Хейли усмехнулась, видя привычную картину.

Уилл и Крис хоть и были родными братьями, но все равно не могли найти общий язык. И дело даже не в большой разнице в возрасте. Иногда их мнения в чем-то совпадали, но обязательно находилось то,

что рушило, казалось бы, уже выстроенное взаимопонимание. Их отец ничего не мог с этим сделать. Если раньше он и пытался призвать их к миру и теплым братским отношениям, то сейчас смирился и просто спокойно наблюдал, как они с молчаливой неприязнью смотрят друг на друга.

Тем временем Хейли быстро убежала в свою комнату, достала из верхнего ящика деревянного письменного стола свой рисунок и хотела было показать его заинтересованному Уиллу, последовавшему за ней, как на пороге появился и Крис. Его привычное хмурое лицо испортило девочке все настроение. Она спрятала рисунок за спину и, насупившись, уставилась на младшего из братьев.

— Я тебя не звала, — обиженно сказала она, невольно помяв край рисунка.

— Хейли, зачем ты так? — обратился к ней Уилл. Его строгий стиль одежды, высокий рост и по-взрослому спокойное лицо никак не сочетались с детской обстановкой ее комнаты, украшенной детскими, но по-своему прекрасными рисунками. — Пускай Крис тоже посмотрит.

— Не горю желанием смотреть на твою мазню, — фыркнул Крис и, чувствуя себя свободно в давно знакомой комнате, сел на подоконник, устремив взгляд в темноту улиц.

Крис и Уилл были очень похожи, и, если бы не разница в росте, со спины их можно было легко спутать. Они оба обладали острыми скулами и подбородком, темно-кариими глазами, как у отца,

и густыми черными волосами, которые Крис коротко стриг, из-за чего они часто торчали на затылке в разные стороны. Уилл же волосы всегда держал ухоженными: особо коротко не стриг, чтобы челка красиво лежала. Она все время падала ему на глаза, но он быстрым движением руки зачесывал ее назад.

Несмотря на внешнее сходство, эмоции они выражали разные. Густые черные брови Криса часто хмурились, как будто он был чем-то недоволен, а на губах играла самодовольная усмешка. Уилл же часто улыбался, всегда открыто и дружелюбно, что в сочетании с его высокой и статной фигурой придавало ему невероятное обаяние. Хейли помнила частые рассказы Нормана о том, что в университете многие девушки пытались завоевать внимание Уилла.

Уилл хотел было поругать младшего брата за грубость, но вовремя вспомнил, чем может обернуться очередное замечание в адрес упертого мальчишки. Устраивать скандал хотелось в последнюю очередь.

— Не слушай его, — посоветовал он Хейли и мягко улыбнулся, но улыбка эта быстро сошла, когда парень заметил, как потускнели цветные глаза. В них уже не было того блеска и задора, с которым девочка так рвалась показать Уиллу свой новый рисунок.

Она низко опустила голову, почувствовав на своем лице тяжелый взгляд Уилла. Невольно сжав губы, Хейли пыталась не показать того, как сильно ее задела слова Криса.

Мазню, значит?

Нет. Это не мазня. Это ее рисунок, изображающий ту самую зимнюю сказку за окном. Как долго она корпела над ним! Как сильно старалась! И все для Уилла...

Чтобы он посмотрел и улыбнулся.

— Хейли, — мягкий голос Уилла заставил ее удивленно приподнять брови: такой тон старший из братьев использовал, лишь когда хотел, чтобы Хейли обратила на него внимание. — Ну-ка, давай посмотрим, что у тебя за рисунок?

Хейли смутилась.

Уилл вел себя так, будто она была маленьким ребенком.

Ну и что с того, что ей всего лишь одиннадцать? Она уже не маленькая! Правда, на Уилла ей не хотелось обижаться. Наоборот, она была рада тому, что он уделяет ей так много внимания. И в груди почему-то отчетливо слышался неровный стук сердца, когда она думала о том, что их отношения с Уиллом более теплые и дружественные, чем с его младшим братом.

Хейли счастливо улыбнулась, не скрывая радости в глазах и уже позабыв про обиду, неторопливо вынула из-за спины рисунок. Правый верхний угол слегка согнулся, но она быстро его выпрямила и представила Уиллу свой, как она считала, шедевр.

— Вот, — снова улыбнувшись, произнесла Хейли и выжидающим взглядом уставилась на Уилла. Этот рисунок она не показывала даже маме. Боя-

лась услышать критику. Исправлять уже не было времени.

— Хейли... — как-то заворуженно прошептал Уилл, что даже Крис, отлепив от окна свой понурый взгляд, воровато глянул на рисунок. — Это прекрасно. Здесь, конечно, нет таких уверенных линий и штрихов, как у опытных художников, просматривается некоторая неровность в построении деревьев, размытость красок, но, мне кажется, так и должно быть. А небрежность в прорисовке некоторых деталей только добавляет рисунку загадочности и волшебства...

Уилл оборвался на полуслове, словно не мог до конца выразить все, что думает. Его взгляд все так же заинтересованно изучал наивный детский рисунок, который будто приоткрывал завесу тайны души девочки. Она ждала. Весь вечер она ждала прихода гостей и все это ожидание передала в своем рисунке: пустая зимняя дорога, тропинка, еще никем не тронутая и ведущая прямо к крыльцу дома. Хейли смогла отразить в своем рисунке собственные чувства. Возможно, поэтому Уилл так им проникся.

— Правда? — искренне удивилась она, словно не верила в собственные способности или же ей просто хотелось снова услышать этот восторг в голосе Уилла. — Не обманываешь?

— Зачем мне обманывать? — чуть скривился он и, взяв рисунок из рук Хейли, стал разглядывать его

еще ближе, рассматривая все детали и тонкости детской работы. — Ты просто умница.

Рисунок и правда получился хорошим. Даже более того — завораживающим.

Хейли всегда любила рисовать. Уже с пяти лет в ее руках всегда были карандаш и чистые листы. Рисовала она то, что видела. Маму за приготовлением обеда, детей, бегающих за окном, птиц на подоконнике...

Выходило неумело, что временами даже огорчало Хейли, но она снова и снова заполняла чистые листы рисунками, и с каждым последующим у нее получалось все лучше.

Линии становились увереннее, образы все более четкими, а желание рисовать только усиливалось, что было огромным плюсом в развитии Хейли.

Линда даже хотела отдать дочь в школу искусств, но девочка отказалась сразу же, как только побывала там.

Она видела, что там рисовали: натюрморты, какие-то непонятные фигуры, давали темы, от которых ни в коем случае нельзя отклоняться. И все это отпугнуло Хейли. Она была уверена, что для того, чтобы рисовать, нужно чувствовать себя свободной. Но вряд ли почувствуешь свободу там, в душных кабинетах, наполненных тишиной и немым повинением.

Уилл все никак не мог налюбоваться рисунком. Хейли видела, как загорелся его обычно спокойный взгляд и как на губах заиграла такая редкая мягкая улыбка.

И хотя он больше ничего не говорил, девочка и так была польщена.

Даже обида на глупого Криса растворилась, оставив лишь легкий осадок, который ушел на второй план, как что-то ненужное.

— Подаришь мне свой рисунок? — спросил вдруг Уилл, заставив Хейли вздрогнуть: слишком долго он молчал. Черные глаза уставились серьезно и как-то слишком по-взрослому.

— Конечно! — улыбнулась Хейли, с гордостью осознавая, что еще одно ее творение будет принадлежать Уиллу.

— Еще чаю? — спросила Линда, откинув волосы за спину.

Норман давно перестал подносить кружку к губам и все больше рассказывал, как обстоят дела в его фирме. Но, услышав вопрос Линды, кивнул и улыбнулся.

Линда включила плиту и поставила на газ вновь наполненный чайник. Норман сцепил руки в замок и положил их на стол. Его угольные брови сошлись над переносицей. Можно было подумать, его что-то тревожит, но, зная Нормана уже не первый год, Линда отлично понимала, что это его обычное выражение лица.

Может, Андерсен и выглядел грозно и совсем не старался придать серьезному взгляду мягкости, но Линда знала, что по натуре он человек добрый.

Его трудно было разозлить, и он почти всегда прощал шалости своим детям, но стоило случиться чему-то серьезному, как вся его доброта исчезала. Оставались только сдержанность и холод во взгляде.

Линда добавила еще печенья из упаковки в хрустальную вазу на столе и снова села, сделав глоток уже остывшего чая.

— Крис совсем не меняется, — со вздохом заметила она, вспоминая колючий взгляд младшего из Андерсенов.

— Да, — согласился Норман, но без сожаления в голосе. — Не понимаю, в кого он такой. Оливия была спокойной и сдержанной, да и я...

— Я не говорю, что это плохо, — поспешно добавила Линда, видя, как задумался Норман. — Просто с таким характером трудно будет ужиться.

— Да, — снова согласился мужчина, будто бы Линда читала его мысли. — Он даже с Уиллом, родным братом, не может нормально общаться. Сплошные ссоры и скандалы. А еще, мне кажется, Хейли тоже недолюбливает Криса.

— Хейли? — искренне удивилась женщина и поставила кружку на стол, немного поразмыслив.

Если подумать, то Хейли всегда больше тянулась к Уиллу, говорила о нем порой слишком много и постоянно нахваливала, да с таким восторгом в глазах, что трудно было не обратить на это внимания. А вот Крис... Линда никогда не слышала от дочери, чтобы она произносила его имя, а если речь случай-

но заходила о нем, морщилась, будто от неприятного воспоминания.

— Да, наверное, ты прав, — закивала головой она и вновь сделала глоток чая.

Чайник на плите протяжно засвистел. Пар из носика поднялся к потолку, и Линда снова встала, чтобы наполнить опустевшую кружку Нормана.

— Спасибо, — поблагодарил он, когда теплый фарфор вновь согрел его пальцы, а на языке почувствовался любимый вкус зеленого чая.

— Уилл любит и Хейли, и Криса, но... — мужчина сделал паузу и отпил еще согревающего чая. — У нас сейчас столько дел в компании, да и Уилл должен лучше освоиться. Они будут редко видеться.

— Понимаю, — со вздохом ответила Линда и улыбнулась. — Уиллу ведь уже двадцать один.

Норман владел перспективной строительной компанией в центре города и понимал, что рано или поздно он должен передать бразды правления следующему поколению, поэтому постепенно вводил старшего сына в дела компании. Из-за этого пришлось переехать ближе к работе, и семьи стали видеться лишь на выходных, но отношения между ними стали только крепче.

Из глубины коридора вдруг послышался звонкий смех и радостный голос Хейли. Услышав его, Линда улыбнулась еще шире. Ее радовало, что ее дочь хорошо проводит время и так заливисто смеется. Почему-то она была уверена, что причина именно в Уилле. Вдруг она отставила кружку с чаем и внимательно

посмотрела на Нормана. Тот слегка насторожился и тоже отставил чай.

— Линда? — позвал он, когда она так ничего и не сказала, и усмехнулся. — Не делай такое серьезное лицо. Ты меня пугаешь.

— Я ведь только сейчас поняла, — отчего-то заговорила она шепотом. — Я никогда не придавала этому большого значения, но...

— Что «но»? — Норман впился пальцами в край стола и даже чуть подался вперед, словно так мог избавиться от напряжения, которое заполнило собой все пространство.

— Хейли смотрит на Уилла влюбленными глазами. — Взгляд Линды перестал быть таким серьезным, и она, слегка выгнув тонкую бровь, с вызовом посмотрела на мужчину, ожидая его реакции. В своей догадке она была уверена. Не раз она замечала, что ее дочь смотрит на Уилла так, будто видит в нем какое-то небесное божество.

— Влюбленными? — нахмурившись, переспросил Норман, словно надеялся, что ослышался или Линда имела в виду что-то другое. — Но ему ведь двадцать один, Линда.

— И что? — как-то развеселившись, отозвалась та. — Я же не выдаю ее замуж за него. Разве это не замечательно? Первая любовь.

— Но ей одиннадцать! — воскликнул Норман и снова взялся за чай. Сделав несколько глотков, он уже не хмурился и был готов понять, почему Линду это так веселит.

— Не заикливайся на возрасте, — махнула она рукой. — Для Хейли это впервые. И по-настоящему... искренне. Потому что она еще ребенок.

— А если ты ошибаешься?

— Она моя дочь. Как я могу ошибаться?

— А хочешь, я нарисую твой портрет? — предложила Хейли, после того как Уилл уже налюбовался ее рисунком и отложил его в сторону. От переполняющей радости ее яркие глаза светились, а улыбка никак не сходила с губ.

— Хочу, — с легкостью согласился Уилл.

— Тогда садись вон там, — она указала пальцем на стул, придвинутый к столу. — Только так, чтобы свет падал на лицо.

— Так? — спросил он, откинув назад волосы, собранные в низкий хвост.

Хейли кивнула, но еще долго смотрела на него, прикидывая в уме разные положения головы и стараясь представить себя в роли уже опытного художника. Она изучала внимательным взглядом, казалось бы, знакомое с самого детства лицо, но все равно снова и снова находила в нем что-то новое.

Хейли видела, каким взрослым стал Уилл. Хотя вроде бы совсем недавно он смотрел вместе с ней и Крисом мультики, а мама приносила им теплое молоко с печеньем. Она помнила, как тогда искрилась детская, какая-то наивная радость в его черных

бездонных глазах, в которых сейчас сквозила только сдержанная приветливость. Хейли немного скучала по прежнему Уиллу. Да, он по-прежнему уделяет ей так же много времени, как и раньше, так же восхищается ее рисунками и так же мягко улыбается, но она понимала, что он уже другой.

Взрослый. Который озабочен проблемами на работе.

Взрослый. Который носит строгую одежду и никогда не расстегивает верхнюю пуговицу на белоснежной, идеально отглаженной рубашке.

Взрослый. Который в какой-то степени стал чужим.

Но все же Хейли нравилось все это.

Нравилась его сдержанность. Даже холодность. Этот задумчивый взгляд и вечно нахмуренные брови, будто бы он решал какую-то сложную задачу.

— Хейли? — позвал Уилл, увидев ее отрешенный взгляд.

Та, услышав его голос, быстро покончила с тяжелыми размышлениями и, немного растерявшись, тихо произнесла:

— Не шевелись. Я начинаю.

Карандаш больше не подрагивал в ее пальцах, а уверенно чертил линии. Сначала построение — самое главное и сложное. Без него рисунок можно даже не начинать.

Она полностью погрузилась в работу, уже позабыв о Крисе, который хоть и пытался держать гордый и независимый вид, все равно снова и снова ко-

сился в сторону Хейли, надеясь разглядеть с такого расстояния хоть что-то в ее альбоме.

Хейли нравилось рисовать Уилла. Она видела его идеально-прекрасным. В нем не было недостатков. Только достоинства. Бледная чистая кожа, шелковистые черные волосы, и эти глаза, которые так сильно привлекали внимание.

Неожиданный стук в дверь прервал Хейли, и она, оторвавшись от наброска, на котором уже прорисовывались черты Уилла, недовольно посмотрела на гостя, отвлекшего ее от столь важного дела.

Линда улыбнулась, будто бы извиняясь, что помешала, и оглядела комнату. Крис с хмурым видом сидел у окна, явно давая понять, что ему совершенно не интересно все происходящее рядом.

— Крис, — ласково произнесла Линда и подошла к мальчику чуть ближе. — Все хорошо? Может, присоединишься к ребятам?

— Нет, — фыркнул тот, гордо задрав подбородок. — Мне и одному хорошо.

— Врешь! — вдруг выпалила Хейли, сама того не ожидая, и устремила на Криса серьезный взгляд. — Если тебе хорошо одному, тогда почему ты такой грустный?!

Крис, казалось, тоже удивился. Да еще и больше всех. Его глаза слегка расширились, а плотно сжатые губы приоткрылись, но он быстро взял себя в руки, и на его лице снова появилось безразличие, которое так несвойственно его возрасту.

Он ничего не ответил, потому что ему и правда было гораздо лучше одному.

Ему нравилось одиночество. Оно стало его лучшим другом. Хотя Крис тоже с какой-то непонятной ему грустью и тоской вспоминал те моменты, когда Уилл еще не был таким взрослым и мог больше времени уделять младшему брату: поиграть с ним или хотя бы посмотреть вместе любимый мультик по телевизору. Когда между ними было больше искренности.

Но потом Уилл как-то слишком быстро повзрослел, стал помогать отцу на работе, приходил уставший и все, на что его хватало, — это ужин в привычном кругу семьи.

Он все меньше проводил времени и с Хейли, и с Крисом. Но даже тогда младший не унывал: он находил веселым играть с Хейли, и ему нравилось подолгу проводить время в их квартире, пока отец с Уиллом не возвращались с работы и не забирали его домой. Но почему-то и это вдруг закончилось. Тот задор и радость, с которыми Крис проводил время вместе с Хейли, исчезли. Появилось что-то другое.

Какая-то непонятная внутренняя злость и вечная раздраженность, когда Хейли вдруг по-другому стала смотреть на Уилла. Ее взгляд, который всегда выражал простую радость при виде его старшего брата, сменился чем-то сложным и непонятным для Криса.

Непонятным тогда.

И ясным сейчас.

И раздражение от этого становилось только больше.

— Ну, ладно, ладно, — предвидя намечающуюся ссору, торопливо заговорила Линда. — Не ссорьтесь. Лучше пойдемте ужинать.

— Ужинать? — расстроившись, переспросила Хейли и растерянно посмотрела на незаконченный портрет.

— Ничего, — сказал Уилл, устало скривив губы в подобии улыбки. — Потом дорисуешь.

— А когда ты придешь снова? — девочка подняла на него фиалковые глаза в ожидании ответа.

— Как только появится свободное время, — тяжело выдохнул он.

Ужин получился каким-то странным. Местами наполненный семейной теплотой и заботой, а местами чересчур заметной колкостью и легкой озлобленностью между Крисом и Хейли, а потом и между Уиллом и Крисом.

Линда расхваливала Норману творческие успехи дочери, а тот поднимал брови, из-за чего на его постаревшем лбу образовывались некрасивые глубокие складки, кивал головой и поджимал губы, тем самым показывая, что он тоже испытывает не только некоторую долю изумления такими ранними успехами девочки, но и гордость.

Хейли стала для Нормана еще одним ребенком — так давно он ее знал и помогал заботиться о ней, когда муж Линды внезапно исчез и, не объяснив ничего толком, так и не вернулся. Только короткая записка с глупыми извинениями осталась после него на столе в тот день.

Семьи Андерсенов и Дэвис хоть и не были родственниками, и жили в разных частях огромного города, но каждый ощущал себя так, словно они были одной дружной семьей.

Хейли нравилось, что вокруг нее так много людей, которые ей дороги.

Нравилось, когда за ужином на кухне царилта эта приятная, теплая атмосфера, в которой так и хочется раствориться.

Нравилось, когда она знала, что рядом сидит Уилл, и он может потратить время на семью и лишь потом углубиться в свои дела. Это заставляло ее улыбаться чаще и чувствовать себя невероятно счастливой.

Именно поэтому, когда Хейли попрощалась с гостями и в квартире вновь наступила тишина, она почувствовала легкую грусть и даже легкий холодок на коже. Так было всегда, когда уходил Уилл: словно квартира теряла свое тепло, а морозный воздух проникал во все щели и незакрытые форточки.

— Не грусти, — прошептала Линда. — Они приедут на следующей неделе.

— Да, — кивнула Хейли в ответ и обняла мать так крепко, что та лишь успела сделать глубокий вдох. — Я знаю.

Вернувшись в свою комнату, Хейли взяла с кровати альбом и открыла начатый рисунок.

С листа на нее смотрело знакомое, но еще не доведенное до совершенства лицо Уилла.

Хейли долго изучала его внимательным взглядом, искала пометки и ошибки, но, так ничего и не найдя, отложила альбом на стол и забралась с ногами на подоконник. В памяти тут же замелькали воспоминания сегодняшнего вечера.

Хейли улыбнулась, поджала под себя ноги и уткнулась лбом в холодное стекло.

Ей снова придется ждать.

А за окном все еще шел снег.

Его хлопья, кружащиеся на фоне темного полотна неба, казались Хейли еще более волшебными и прекрасными. А этот зимний вечер останется в памяти навсегда, потому что в нем был Уилл.

ГЛАВА 2

В ожидании конца

Хейли еще раз обвела взглядом собственное отражение.

Ее глаза придирчиво сощурились и медленно прошлись по одежде — что-то не подходило.

— Хейли! Задержишься еще на минуту — и точно опоздаешь в школу! — донесся из коридора голос мамы, нарушая размышления девочки.

Она последний раз взглянула на себя и, захлопнув дверцу шкафа, вышла из комнаты.

Линда вручила ей бумажный пакет с обедом и ласково подтолкнула дочь в коридор, где быстро натянула на нее куртку, надела шапку и завязала шарф.

— Перчатки взяла? — спросила она. — Там холодно.

— Взяла, — кивнула Хейли с улыбкой и, быстро поцеловав маму в щеку, открыла дверь. — Я побежала.

— И не задерживайся после школы! — крикнула ей вслед Линда, кутаясь от утреннего мороза в длинный махровый халат, но вряд ли Хейли ее услышала.

Она уже торопливо пробиралась через глубокие сугробы, нанесенные вчерашней метелью, а в ее голове были мысли лишь о том, что в школе время пролетит быстро. Она любила учиться, поэтому стоило ей только сесть за парту, как все ее внимание тут же обращалось на новую тему и заучивание новых формул и правил. Одноклассники и друзья не совсем ее понимали и иногда перешептывались за спиной, но Хейли это не смущало.

— Я думала, ты опоздаешь! — выпалила Кэтрин Миллер, подруга и одноклассница Хейли, когда та последней ворвалась в класс, поправляя спадающий с плеча тяжелый рюкзак.

— Я тоже, — слабо, будто бы извиняясь, улыбнулась Хейли, торопливо пробираясь к своей парте.

Немного отдышавшись, она поняла, что могла бы и не спешить. Стрелка на часах, висевших над самой доской, уже показывала пять минут девятого, а учителя еще не было.

— Опаздывает, — скучающе протянула Кэтрин, подперев лицо ладонью.

Хейли разложила вещи на парте, села и посмотрела на Кэтрин, переводя растерянный взгляд с ее пшеничных волос, которые всегда выглядели очень

аккуратно, на ее отлично подобранную одежду и даже отметила про себя, что поведение Кэтрин очень женственно.

— Кэтрин, — позвала она, отведя взгляд в сторону. — А я красивая?

— Красивая, — без промедления и уверенно ответила подруга, всматриваясь в растерянное лицо Хейли. — С чего такие вопросы?

— Просто так. Нельзя спросить?

— Можно, — Кэтрин хитро улыбнулась и пихнула подругу в бок. — Ты ничего не хочешь мне рассказать? — ее улыбка стала еще хитрей и, казалось, растянулась до самых ушей.

— Ты о чем вообще? — Хейли растерянно взглянула на подругу.

— Ты же влюбилась! Ясно, как день, — Кэтрин придвинулась ближе.

— Глупости! — возразила Хейли, но густо покраснела, сама того не заметив. — Я не влюбилась.

— Ага! — указательный палец Кэтрин чуть ли не коснулся носа подруги. — Ты покраснела, как помидор. И ты никогда не спрашивала меня о том, красивая ты или нет? Как будто сама не видишь, что красивая.

Хейли все еще не понимала. Ее взгляд по-прежнему выражал лишь растерянность и некоторую злость на подругу.

— Я не влюблена! — отчаянно замотала она головой. Кэтрин схватила ее за обе щеки и серьезно взглянула в глаза.

— Влюблена, — кивнула она. — Это видно. И не спорь. Если не хочешь рассказывать — не заставляю.

— Спасибо, — прошептала Хейли с благодарностью. Она решила больше ни о чем не спорить.

Из школы Хейли шла, глубоко погруженная в свои мысли, снова и снова вспоминая разговор с Кэтрин. Она даже не замечала сугробы перед собой и каждый раз проваливалась в них, а потом долго топала, отряхивала сапоги от снега.

Единственное, в чем не сомневалась Хейли, — это что ее подруга всегда права. Какой бы несуразный бред ни приходил в ее легкомысленную голову, он каким-то странным образом оказывался правдой. Но от этого Хейли чувствовала себя странно.

Получается, и на этот раз Кэтрин права?

Хейли остановилась посреди дороги, сжав руками лямки своего рюкзака. Ее пальцы давно покраснели и онемели от мороза. Находясь в таком задумчивом состоянии, она даже забыла надеть перчатки. Наверняка мама будет ругаться.

Хейли не чувствовала себя влюбленной. Она вообще не знала, как должно ощущаться это чувство.

Она лишь испытывала невероятную радость, когда видела Уилла. И почему-то улыбалась, стоило ему посмотреть на нее. Или похвалить ее рисунки. Или...

Хейли сама не заметила, как снова заулыбалась, но улыбка быстро сошла с ее лица. Она пораженно ахнула, прикрыла ладонями рот и сорвалась с места в сторону дома, огибая сугробы.

— Мама! — крикнула Хейли, забегая домой и захлопывая дверь. Она даже не потрудилась снять сапоги, оставляя на светлом ковре коридора мокрые следы. Замерев у порога кухни, она испуганно-растерянным взглядом уставилась на мать, которая стояла у плиты и помешивала суп в металлической кастрюле.

— Хейли! — на секунду рассердившись, воскликнула Линда, заметив, что дочь даже не сняла верхнюю одежду и наверняка наследила в коридоре. — Что случилось?

— Я влюбилась!

Женщина слегка удивленно поглядела на дочь:

— Сначаланими куртку и хотя бы сапоги, и только потом поговорим.

Хейли порывисто и решительно кивнула и, за секунду расправившись с верхней одеждой, влетела на кухню и бросила рюкзак на пол.

— Ну и кто же этот счастливец? — улыбнулась Линда, выключив газ и вытерев руки о полотенце.

— Счастливец? — тут же вспыхнула Хейли, низко опустив голову. Она медленно села на стул, опустила руки на колени, сцепив пальцы в замок. Девочка от беспокойства сжимала их так сильно, что становилось больно.

— Ты можешь мне рассказать; если хочешь, конечно. — Линда нежно провела рукой по покрасневшему лицу дочери. Она и подумать не могла, что Хейли сможет понять это чувство, которое испытывала впервые.

— Я знаю... — тихо и растерянно пробормотала девочка.

Конечно, Хейли доверяла маме и действительно могла рассказать ей что угодно, но сейчас не могла выдать все сразу. Она даже не была уверена в том, что чувствует. Может, она путает что-то? Или неправильно понимает.

Ведь, как ни посмотри, она все еще ребенок, который толком не знает ничего о жизни.

Линда мягко улыбнулась и понимающе вздохнула.

Когда Хейли перестала так сильно смущаться, женщина придвинула стул к столу и, положив на него локти, подперла ладонями лицо, приготовившись выслушать все, что накопилось в душе дочери.

Трудно представить, сколько счастья и гордости испытывала Линда, ведь Хейли сама к ней пришла, как только поняла, что... влюблена.

— Это сложно объяснить... — неуверенно заговорила девочка. Ее взгляд метался от одного угла кухни к другому. Она никак не могла посмотреть на маму, и ей все казалось, что она ошибается в собственных чувствах, но ведь сомнения — это нормально. — Я никогда такого не испытывала.

Линда улыбнулась, когда Хейли подняла на нее свой детский, непонимающий, полный сомнений взгляд.

— Это плохо? — спросила она, плотно сжав губы.

— Что ты! — тут же воскликнула Линда. — То, что ты сейчас чувствуешь, — это просто замечательно.

— Правда?! — не поверила Хейли, но очень этого хотела.

— Конечно правда. Но... — женщина отвела взгляд, на секунду задумавшись, а потом снова посмотрела на дочь. — Дай себе время, милая. Не торопись.

— Почему? — девочка нахмурила тонкие брови.

— Потому что любовь ослепляет. Очень часто бывает, что мы любим лишь образ, который сами себе придумали.

Хейли коротко кивнула, хотя, может, и не до конца поняла слова матери. Как бы там ни было, ей стало легче, когда она поделилась своими мыслями с близким человеком. Она невольно потянулась к матери, чтобы обнять, обвила руками ее шею и прижалась к щеке.

— Спасибо, — прошептала она, а в ответ Линда только крепче обняла ее и привычно потрепала по иссиня-черной макушке.

— Надеюсь, ты сегодня не опоздала? — спросила женщина, слегка отдаляя от себя дочь, чтобы взглянуть в ее глаза с легким прищуром.

Та отрицательно помахала головой и поцеловала маму в щеку, после чего подняла с пола рюкзак и пошла в свою комнату.

Разговаривая в кухне с мамой, Хейли этого не ощущала, но сейчас, оставшись один на один с собой, точно могла сказать, что чувствует.

Взволнованность.

И страх.

Девочка оперлась спиной о дверь, вновь кинула рюкзак на пол и приложила маленькие ладони к груди. Где-то там, между ребер, бешено kloкотало сердце. Она и подумать не могла, что оно может так быстро биться.

Хейли медленно подошла к столу, около которого на стене висел календарь. Его широкие листы помимо чисел и недель украшали пейзажи, соответствующие каждому месяцу.

Сейчас там был изображен зимний лес: деревья, покрытые снегом, протоптанная лесными жителями дорожка, которая так и блестела на солнце, и высокие сугробы, в которых хотелось утонуть.

Девочка перевела взгляд с пейзажа на сегодняшнее число: понедельник, двадцать второе января. Она взяла со стола ручку и, недолго думая, зачеркнула цифры.

Один день почти прошел.

Осталось шесть.

Улыбка снова озарила ее лицо, и уже в следующий момент Хейли разбежалась и плюхнулась на кровать, широко раскинув руки.

Она чувствовала себя странно. Слишком взволнованной. Слишком нервной. Слишком нетерпеливой. Ей до одури хотелось, чтобы время летело бы-

стрее, а уже завтра была суббота — долгожданный выходной. Но она не могла управлять временем. А оно не могло подчиняться прихотям маленькой влюбленной девочки.

Поэтому оставалось только ждать.

Дни летели словно птицы, рассекая воздух и серую обыденность будней.

На улице бушевала зима: она то засыпала все снегом, то светила таким ярким солнцем, что, казалось, за окном уже весна. Но Хейли этого как будто не замечала. Она словно во сне ходила в школу, училась и возвращалась домой, отмечая дни в календаре и изредка разглядывая начатый портрет Уилла.

Ей хотелось рисовать, но почему-то не получалось. Образы в ее голове смешались, а мысли путались. Она была растеряна.

Чтобы хоть как-то отвлечься от всего этого, Хейли приходила к маме, находя ее либо в гостиной на диване с какой-нибудь толстой книгой в руках, либо дремлющей в спальне. Она без угрызений совести нарушала ее покой, и долгими зимними вечерами они просто лежали в обнимку, болтая обо всем на свете, как давние подруги, не видевшие друг друга долгое время.

Линда отлично понимала состояние дочери.

Это ведь первая любовь.

Настоящая и такая искренняя. И оттого такая редкая и ценная.

Но все же мама не упускала момента как-нибудь по-доброму уколоть Хейли, чтобы потом, умиляясь ее смущению и робости, ласково погладить по голове.

Когда Хейли проснулась субботним утром, она не сразу поняла, почему мама не будит ее в школу и почему не кричит про опоздания. Эта неделя получилась очень напряженной, а из-за вечного ожидания она потеряла счет времени и, лишь подойдя к календарю, где были зачеркнуты дни недели, поняла, что наконец-то дождалась выходных.

Сердце взволнованно встрепенулось от радости. Все утро Хейли кружила по дому, не зная, каким делом себя занять и как дожидаться вечера.

Она ждала всю неделю — сможет подождать еще немного. Вот только надо было чем-то отвлечься. Она заглянула в свой книжный шкаф и нашла на верхней полке, покрытой пылью, старые, такие же пыльные книги. Выбрав первую попавшуюся, Хейли легла на кровать и приступила к чтению, но не прошло и часа, как она задремала. Волнение на время отступило, и Хейли проспала до самого вечера с легкой улыбкой на губах. Но сквозь пелену сна она смогла услышать, как мелодично зазвенел дверной звонок и как вдруг громко зазвучали голоса.

Сон быстро развеялся, как только Хейли поняла, что они пришли.

Она поднялась на локтях, оглядываясь и пытаясь вспомнить, почему уснула и почему в комнате так темно. Случайно нащупав книгу рядом с собой, она поняла, что зачиталась, но это ее уже не волновало.

«Он приехал!» — взволнованно подумала она.

Хейли вылетела из комнаты, чуть не сбив с ног мать, и добродушно поздоровалась с Норманом, который отчего-то прятал взгляд, вешая пальто на крючок вешалки. Она хотела даже поздороваться с Крисом, но тот дерзко отвернулся, четко давая понять, что не желает ни с кем здороваться.

— А... — Хейли потопталась на месте, заглянула за широкую спину Нормана, глянула на Крису, на маму и тихо спросила: — Где Уилл? Он...

— Он не приехал, Хейли, — выдохнув, произнес мужчина, снимая обувь. Он по-прежнему прятал взгляд и не хотел смотреть ей в глаза, будто чувствовал себя виноватым перед ней.

— Почему? — так же тихо спросила Хейли, невольно прижав ладони к груди. Сердце вновь сильно застучало, но уже не от радости, а от удивления и какой-то колючей обиды.

— Он остался на работе, — объяснил мужчина, устало потеряв переносицу. — У него много незаконченных дел и ему нужно как можно быстрее освоиться.

Хейли с минуту молчала, потерянным взглядом смотря в пол, а потом подняла глаза на Нормана,

кивнула, словно соглашаясь с ним, и улыбнулась. Но улыбка эта была не настоящей. Она скрывала истинные чувства Хейли. Скрывала слезы обиды, которые вот-вот готовы были покатиться по детскому лицу, но девочка упрямо улыбалась и делала вид, будто все хорошо, а то, что Уилл не приехал и она не сможет закончить портрет, — глупость.

Может, Хейли и хотела выглядеть радостной, но все видели, как вмиг изменилось ее лицо, стоило ей только понять, что Уилл не приехал.

Все видели.

Но никто не пытался ее утешить. Ни Линда, ни Норман и уж тем более ни Крис. Хейли не любила, когда ее утешали. Не любила чувствовать себя слабой.

— Пойдем, Крис, — преувеличенно бодро произнесла Хейли и прошла в свою комнату.

Мальчик громко цокнул языком, но все же пошел следом, как только стянул обувь и куртку. Когда он вошел в комнату, Хейли стояла у окна, повернувшись к нему спиной. Крис замер на пороге, разглядывая темную комнату, а потом клацнул выключателем, и электрический свет непривычно ударил по глазам.

— Сильно расстроилась? — спросил он, но по его монотонному голосу трудно было понять, беспокоится он или же ему просто скучно.

— Вот еще! — выпалила Хейли и резко развернулась.

Она уперлась спиной в край подоконника и скрестила руки на груди, но надутые, как у обиженного

ребенка, губы противоречили ее словам. Она глубоко дышала, пытаясь утихомирить взбушевавшиеся эмоции, но вместо этого ее взгляд сам упал на стол, где лежал приготовленный альбом и пара подточенных карандашей. От обиды Хейли вдруг покраснела и, почувствовав это, еще сильнее сжала губы.

— У него правда много дел в компании, — произнес вдруг Крис, заставив ее скосить на него непонимающий взгляд. — Он не мог приехать.

— А я и не ждала! — фыркнула она, снова отворачиваясь к окну.

Линда не стала ставить чайник. И не заварила зеленый чай.

Она была взволнованна и каким-то выжидающим взглядом смотрела на Нормана, который тоже чувствовал себя беспокойно. Он все хмурился, а складка на его лбу, казалось, стала еще глубже.

— Эти дела в компании настолько важные? — спросила Линда, меряя шагами кухню.

— Да. Ты ведь знаешь Уилла. Он ко всему относится слишком серьезно, — ответил Норман, наблюдая за тем, как сильно беспокоится Линда.

— Поезжай к нему! — вдруг выпалила она и от неожиданной мысли, посетившей ее, даже стукнула ладонями по столу, напугав Нормана. — Скажи, что Хейли очень расстроена. Он поймет.

— Он не станет меня слушать, — покачал головой Норман, виновато поджав губы.

— Тогда меня послушает, — Линда сняла фартук, в котором готовила ужин, и, бросив его на стол, взглядом велела Норману подниматься. — Пойдем, отвезешь меня. Вот Хейли обрадуется...

— Мы оставим их одних? — удивился он, выходя из кухни следом за женщиной.

Та обернулась и как-то высокомерно усмехнулась.

— Крису уже тринадцать. Ничего не случится. И, может, они наконец станут дружнее. Как раньше.

Когда в дверь комнаты постучали, Хейли все еще стояла у окна и сверлила взглядом занесенную снегом улицу, а Крис свободно лежал на кровати и листал книгу.

— Хейли, — Линда приоткрыла дверь и заглянула в комнату. — Крис. Мы с Норманом съездим за продуктами. Посидите пока без нас. И не ссорьтесь! — крикнула она уже из коридора и хотела было закрыть дверь, как вдруг Хейли выбежала из комнаты и схватила маму за руку. В ней вдруг вспыхнуло странное эгоистичное чувство: она хотела, чтобы мама сейчас осталась с ней. Ей было это необходимо.

— Мама, не уезжай, — жалобно попросила она, умоляюще глядя на нее. Она буквально повисла на ее тонкой руке, поэтому Линде пришлось немного наклониться, а потом и вовсе присесть, чтобы не

смотреть на дочь сверху вниз. — Там ужасная погода, и уже очень поздно.

— Не волнуйся. Мы скоро вернемся, — заверила Линда, ласково улыбнулась и заправила прядку иссиня-черных волос за ухо дочери.

Пока Норман и Линда торопливо одевались, Хейли смотрела на них, а ее потускневшие фиалковые глаза так и твердили: «Не уезжай! Не уезжай!»

Она не хотела оставаться наедине с Крисом.

Не хотела терпеть и сдерживаться, чтобы не разреветься перед ним, словно маленький ребенок. Но Линда только продолжала ласково улыбаться и повторять: «Мы скоро. Не ссорьтесь. Закроешь за нами дверь». Хейли кивала и пыталась улыбаться в ответ, а когда дверь за ним захлопнулась, повернула ключ в замке и вернулась в комнату, где Крис, воспользовавшись моментом, уже разместился на подоконнике, словно был у себя дома.

Ей оставалось только ждать.